

1

С. КИНДЯКОВА

МЕАНДР

СТИХИ

ЛИТЕРАТУРНОЕ СОДРУЖЕСТВО

ВАРШАВА

1932

2
Благодаримши и дарю
Ремигий Иванович Герасим

от преданных авторов

С. КИНДЯКОВА

МЕАНДР
СТИХИ

ЛИТЕРАТУРНОЕ СОДРУЖЕСТВО
ВАРШАВА
1932

Часы бѣгут... и нѣт тебя со мною.

Зажглись міры на небесах нѣмых,
Зажглись огни на улицах пустых,
И заперте окно рѣшеткой ледяною.

И я одна. Блеснул на снѣга слѣд
Луч фонаря. И в сердцѣ луч горит:
Там, у постели, в столикѣ лежит
Письмо, что прислано два дня назад то-
бою.

1930.

11

Есть в сердцѣ чувства: нѣт им выраженья
На смертнаго убогомъ языкѣ.
В них все — порывы и страсти устремленье
Блеск ислніи в Зевесовой руцѣ.

В них мертвых душ безмърное томленье,
Харона скрытых в ирачном членокъ,
Морской сирены вкрадчивое пѣнье,
И вѣтра плач в засохшем тростникѣ.

В них лед зимы и жар палящей льта,
Гнезд ненависти, міра благодать,
И тайны неразгаданной печать,

Сіяніє звѣзды незримой съѣта...
Но нѣт въ словахъ на чувства тѣ отвѣта:
Одно лишь сердце может ихъ понять.

1927.

Чтобы вспомнить счастье, надо вспомнить горе.

" "

"

Ты помнишь ли пустынную дорогу
И вереска лиловых поля?
Сливался холм с долиной отлого,
Синева морем вдалекъ земля.

Был воздух полн росой гвоздик и тмина,
Кузнечик пѣл все звонче и смѣлѣй,
И утро с душ сметало паутину
Снопами солнца радостных лучей.

Ты помнишь ли кудрявую опушку,
Густую тѣнь упавшаго ствола?
Кора трещала, и на мякоти подушку
Слезой янтарной капала смола.

Ты бѣлое с цветами помнишь платье
И пестрых бус разорванную нить?
И тихій смѣх, и быстрое объятье,
И тѣ слова, что сердцем не забыть?

1930.

МИШКА

В дѣтствѣ помню я игрушку...
Я любила с ней играть!
Спрятав Мишку под подушку,
Сладко было засыпать.

На диванчикѣ в угольней,
Помню, Мишка мой лежит,
И, хотя ему не больно,
Как надавишь, он пищит.

Он мохнат был, как чертенок,
Уши, хвостик, - как живой!
Миша, Мишка, Медвѣжонок
С мягкой круглой головой!

Ну, а нынче - не игрушка...
С новым Мишкой гдѣ играть!
Ночь без сна, в слезах подушка,
Не дает мнѣ Мишка спать.

А при встрѣчѣ вдруг невольно
Разобидишь, - что за вид!
Но, хоть Мишкѣ очень больно,
Зубы стиснет, а молчит.

Наяву или спросонок
Мишка всюду предо мной!
Миша, Мишка, Медвѣжонок
С умной круглой головой!

1930.

.....

" "

Сползала тень по звездному узору,
Все тяжелый сгущались облака.
За шагом шаг мы поднимались в гору
Впивалась в руку цепкая рука.

Изрыт был путь морщинами извилин,
Огонь зарниц то гаснул, то пылал,
Листва гудела... И незримый Филин
В незримой чащѣ глухо прокричал.

Сорвался вѣтер. Мотніи извины
Черкнули знак загадочных письмен...
В раздумья ты склонился молчаливо
Знаменій рядом тягостно смущен.

Оставь! Не вѣрь! Дни счастья иль недѣли,
Жизнь иль конец готовит нам судьба -
Не все лѣ равно? Лишь надо смыть: мы смы-
ли,
И час был наш, и что нам ворожба.

1930.

ЧИСЛЕННОСТЬ СЛОВОВЫХ ПАРАМЕТРОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

" "

Сияет лъс в искрящемся уборѣ,
Поля покрыты синхронной пеленой,
Зубцы вѣтвей въ причудливомъ узорѣ
Сплетаются на дали голубой.
Все бѣло вкругъ кустарника и дорога,
И скаты крыши и дальние холмы.
Грудь вольно дышет... Замерла тревога,
Застыв под лаской бедрою зимы.
Прекрасен мір! Не смерть, а сна забвенье
Для отдыха все сбила скрест.
Жизнь побѣдит! И чуждъ ей отреченья
Печальный символъ: придорожный крест.

1926.

ОСЕНЬ

Печально осени дыханье.
По лѣта ярких, знойных днях,
Когда природы умирانье
Вселяет в сердце смутный страх.
Дрожат деревья так тревожно,
Их шум осенній так зловѣщ.
Предчувствуем судьбины сложной
Он в мысль впиваются, как клещ.
И грустен образ ранней бури,
И солнца блѣден краткій луч,
Когда, глаза сердито щуря,
Оно глядит из темных туч.

Но есть часы, когда привѣтно
Оно к землѣ склоняет взор,
Теплом лаская разноцвѣтный
Лѣсов желтѣющих убор.
Лежат в живительном покоѣ
Лѣса; прозрачный воздух тих;
Эмалью небо голубое
Сквозит меж листьев золотых.
В тѣ дни зимы грядущій холод
Обманно кажется далек...
Блестит, как в маѣ, свѣж и молод,
Зеленої озими росток.

И в жизни тѣ же перемѣны.

ЧИСЛЕННОСТЬ ПОДАЮЩИХСЯ В СЕМЕЙСТВА ПОДАЮЩИХСЯ

Но осень все скользящих лѣт,
Недолѣ приходя на смыну,
Так рѣдко поздній красит свѣт.
Как листья падают надежды
В житейской бездны пустоту...
И все ж порывом страсть, как прежде,
Вновь согрѣвает осень ту.

1927.

КРАКОВСКОЕ ПРЕДМЪСТЬЕ

Носутся в ряд автомобили,
Пестрят огни цветных реклам,
Грохочет в дымке сърой пыли
Вечерних улиц шум и гам.
В кричащем блескѣ рѣзких пятен
Затмился неба звѣздный лик,
И голос міра непонятен,
И слух внимать ему отвык.

И рвется сердце на приволье,
Туда, где нет кирпичных стѣн,
Где нагло не торчит драконъе
На крышах выросших антен,
И где в мгновеньи уходящем
Спѣшит душа, объята сном,
Забыть на миг о настоящем
В воспоминаньи о былом.

1928.

一一

Кто върнет, для тѣх всесильно утѣшенье,
Что въ мір иной от жизни скорбной сей
Идет душа, избѣгнув смерти тѣлья,
И видит вновь толпу родных тѣней.
Но я не вѣрю той мечтѣ и упованью...
Нѣт, для меня - послѣднее рыданье,
Земли сырой скатившійся комок,
Послѣдней пѣсни отзукавшись слог,
Надгробных свѣч печальное мерцанье -
Все, мнится, шепчет мнѣ: "Прощайся же
навѣк
Со всѣм, что для тебя так дорого и мило,
Что ты так искренно, так пламенно любила,
Со всѣм, что нынѣ прах, что было человѣк..."

1900.

СЛОВА СИМВОЛЫ ЧУДОВИЩА СИЛА И МИР

и и

и

Словно мёлом, помеченный точками
Желто-бълыми липкими почками,
Наклонился и дремлет камтан.
Изумрудное небо вечернее...
Тонких веток чеканию чернью
Разсыпается звезд караван.

Но не дышет тепло запоздалое.
Ещё мерзлой улыбкой усталую
Усмѣкается прошиль луны.
Не грусти! Льды весной расплавлены,
На зимъ уже точки поставлены
Шаловливей рукой весны.

1929.

МОРСКОЕ ОКО

/озеро в татрах/

В горах пролитое высоко
Велънъем силы неземной,
В простор небес Морское Око
Глядит бездонной синевой.

Хранит средь вѣчнаго молчанья
Зелено-каменный потир
Тѣх вод—могучим мірозданья
Рѣзцом шлифованный сапфир.

И пред его недвижным взором
Отжив, проносятся вѣка,
Судьбы гонимы приговором,
Как вихрем бури — облака.

Но их бѣгущим отраженьям
Тѣх вод не замутить хрусталь,
И Око с прежним напряженьем
Глядит в космическую даль.

1928

ЧИСЛЕННОСТЬ СЛОВ В КАЖДОЙ СТРОКЕ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ ОДИНАКОВОЙ

ПРИЛИВ

За распахнутой дверью балкона
Легкой чайкою вился туман...
В чешуй серебристой дракона
Подползал по пескам океан.

Мъсяц облачной пряжею бѣлой
Ткал с улыбкой прозрачный наряд,
Одѣвая горячее тѣло
Словно пѣнной жемчужной наяд.

Раскрывали и жмурили очи
В незнакомой дали маяки,
И скользило дыханіе ночи
По плечам лаской нѣжной руки:

За распахнутой дверью балкона
Легкой чайкою вился туман,
И взмывала, как крылья дракона,
Разбивался у стѣн океан.

1930.

и и
и

Будто фавн разлегшись смело,
Скинув тягостный наряд,
На травѣ вдыхает тѣло
Хвой терпкій аромат.
Вуйной мысли нѣт преграды:
И невольно ищет чвор:
Не бѣгут ли среады
Из разсѣлин близких гор?
И когда слетает в вѣтвь
Звук невинятных голосов —
То не гимн поет Деметрѣ
Хор аркадских пастухов?
Иль пространству нѣт границы?
Гибнет разница времен?
Чу... звенит в тѣни цѣвица
У дорических колонн.
Олимпійскіе чертоги
Вновь раскрылись, чтоб ожить,
И нисходят к смертным боги
Не карать их, а любить.
И дѣйствительность безсильна...

Вдруг... пронзительно высок,
На сосѣдней лѣсопильнѣ
Взвыл назойливо гудок.

Мир - и нѣт очарованья.
Чувств разсвѣлся обман,
Но в природы ликованьи
Все-ж ты жив, Великий Пан!

1928.

ВЕНЕЦІЯ

Черны, как ночь, на землю пали тѣни,
Что бросил свѣт колдующей луны,
И мрамором одѣтая ступени
В густую тьму уже погружены.

И волны тихо край их омывают...
Трепещет зыбью дремлющий канал,
Улыбку звѣзд привѣтно отражает
В нѣмом дворцѣ паркет пустынных зал.

Рѣшетки окон в кружевѣ ажура
Минувших жизней повѣсти хранят.
Спит кипарис... и, грезя, лѣт датура
Из чаши бѣлой благовонный яд.

Сколзит в саду полотен Тиціана
Знакомый образ - в локонах лицо,
И у перил, при лопетѣ фонтана,
Гондолу ждет зацвѣтшее кольцо.

Сквозит рѣзьба на стрѣльчатом балконѣ,
Тяжелой страстью дышит старый лавр,
И, чудится, на вѣтрѣчу Дездемонѣ
Спѣшит любовью опьяненный мавр.

Венециа, ты спиши на водном ложѣ!

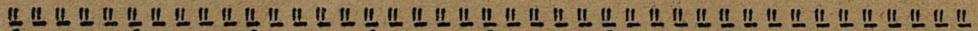
Ползут вѣка, мѣняются пути,

Но шепчет Вздохов Мост, Палаццо Дожей
Про львиный зѣв Совета Десяти;

Про догаресс, пиры и договоры,
Колоколов лепантских гордый звон,
И про небес лазурнѣйшіе взоры
В жемчуг и яхснт убранных мадонн.

И вѣчная канцона гондолъера,
Времен сразив завистливый чёред,
Про *forza dell' amore, dell' altiera*,
До наших дней восторженно поет.

1926.

В ГОНДОЛЬ

Тебъ, Венеція, жемчужина морей,
Я шлю привѣт мой тихій, запоздалый...
Прими егс, как стон души моей,
Души измученной, и скербной и усталой.
О, как ты хороша! Волшебный, странный сон
Истомой сладостной мое чело объемлет.
В прозрачном сумракѣ, в тиши, со всѣх

сторон

Громада пышная дворцов зубчатых дремлет
И нѣгой дышет ночь... Недвижная луна
Лагуны спящія спокойно озаряет;
Чуть вѣт вѣтерок, и зыбкая вода
Лучем серебряным капризно колыхает.
На темном бархатѣ канала свѣжих вод
Безшумна и легка скользит моя гондола.
Rialto бѣлаго прохладный, мшистый свод
Играет звуками чуть слышной баркароллы,
И длиннаго весла ей вторит влажный
всплеск.

Палаццо стараго обросшія ступени,
Свидѣтели времен, когда роскошный блеск
Былых патриціев не знал досадной тѣни,
Манят взойти опять на звонкій мрамор плит.
Узорных фонарей цвѣтное отраженье
На лонѣ трепетном причудливо дрожит,
И цѣпью тянется в без счетном повтореньи...

12

Все замерло вскруг, все тонет в ясном ми-

И слышится вдали: "Vorrei morire..."

1900.

АФИНЫ

Все ближе берег, обожженный
Лучей огнистою струей...
Змѣится слѣд, винтом вспѣненный,
За корабельною кормой.
На зноем опаленных скатах
Букеты сѣрые маслин,
Чуть дышет дремою объятый
Эгейских волн ультрамарин.
Все ближе... вот... в благоговѣнnyи
Восторга трепет нѣ тая,
Гляжу. Склоняются колѣни
К тебѣ, афинская земля!
Акрополь! На скалѣ высокой,
Звучацій струнами колонн,
Про мощь Паллады темноокой
Псает безсмертный Парфенон.
К нему всходя, потупя взоры,
На звонкій мрамор Пропилей
Вступали плавно канефоры
В священный день Панафиней.
И чрез вѣков скользящих смѣны,
Разбивших в прах Эллады цикл,
Хранят задумчивыя стѣны
Тѣ рѣчи, что вѣщал Перикл.
Ты пала, Аттика, для свѣта!..

п.

Не пусть ушла твоя пора -
Живешь ты в Эллинских завътах
Красы, и правды, и добра.

Корабль отплыл в зарѣ лучистой.
Прощааясь, падал грустный взгляд
На свѣтлых гор хребет скалистый
С пещерой, где почил Сократ.
В туманной дали небосклона
Был лѣтній воздух зноино мглист,
И в очертаньях Парфенона
Горѣл янтарь и аметист.

1931.

ЭЛЛАДА

Цвѣтет зеленый лавр. Зефира дуновенье
Ласкает муравой покрытия поля,
И, внемля пестрых птиц немолкнущему пѣнию,
Под солнцем нѣжится ожившая земля.
В струях его лучей купаются стрекозы;
Мелькает в воздухѣ их крыльев изумруд;
Листочки распустились, забыли страх мимозы
И жарких лѣта чар нетерпѣливо ждут.
Поет вдали свирѣль довѣрчиво и вольно
Желаній пѣснь земных, и счастья, и утѣх;
Ей ствѣчает лѣс, простервшись богомольно,
И эхо свѣтлых нимф несет веселый смѣх.
Их рѣзы и легки нагіе хороводы,-
Цвѣтов живых весной сплетаемый вѣнок -
С улыбкою красу их отражают воды,
Цѣлую берега дымящійся песок.
И в этот ясный миг природы обновленья
Весь мір - одна любовь, один священный
храм,
Раскрытых жизни тайн благое откровенье,
На вѣчном алтарѣ куриный Фиміам.
И голос Божества так близок и понятен.
Не смертью, не тоской - он радостью зву-
чит.
В небесной космоса гармоніи он внятен
И в шелестѣ травы он смертным говорит.

1927.

NOX ATTICA

На раскинутых тёмных шатром небесах
 Зажигает созвездья Геката.
 Полон воздух недвижный в затихших садах
 Олеандров и мирт аромата.
 Серебристым сияньем залит Парфенон,
 Въёт лаской дыханье долины,
 И покойится город, во сне погружен,
 Под эгидой Паллады-Афини.
 И в гармонии мира земная краса
 С небожителей радостью слита...
 В эту жаркую ночь тытворишь чудеса,
 Я пою тебе песнь, Афродита!
 От улыбки твоей расцветает весна,
 Наливается зреющий колос,
 И, к утесу прильнув, замирает волна,
 Твой услышав божественный голос.
 Ты предвечные тайны вливаешь в сердца,
 Ты вселенную смертным открыла!
 Раб с тобою не хаждет неволи конца,
 Без тебя и в чертоге - могила.
 Ты - блаженство и жизнь. Твоя движет рука
 Безпредельную мощь мірозданья.
 Твоя грозная власть так светла и легка,
 В твоем храме нет жертвы страданья.
 ... Я пою не одна - все ликует вокруг:

и и

Эхо гор и задумчивый тополь,
Моря плеск, Артемиды изогнутый лук,
И вознесшийся гордо Акрополь.
Ночь трепещет в томленьи... встала ро-
са...

Ильет роза, вокруг лавра обвита.
Все живущее славит твои чудеса,
Тебъ гимны поет, Афродита!

1926.

15

16